Розита Манугерра

Маланима

Перевод Оксаны Рогозы

История с ароматом моря и звуками ветра.

Libreriamo

Розита Манугерра

Маланима

Издательство "Livebook/Гаятри"
2025

УДК 82-3
ББК 84

Манугерра Р.

Маланима / Р. Манугерра — Издательство "Livebook/Гаятри" , 2025

ISBN 978-5-907784-95-6

Солнечный итальянский остров со стороны кажется настоящим раем. Но мало кто слышал о жгучей тоске островитян по большой жизни, которая проходит где-то там, далеко. У нее даже есть название – маланима. Кто-кто, а Мия знает о ней не понаслышке. Именно маланима толкает ее к Марине, только что приехавшей с материка и не желающей ничего и никому рассказывать о себе. Или почти никому. А что, если Мию и Марину связывают давние семейные тайны, также не обошедшиеся без маланимы? Сияющий роман, который напоминает нам о том, что места отъезда и возвращения, встречи и расставания – это часть человеческой души и памяти.

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-907784-95-6

© Манугерра Р., 2025
© Издательство "Livebook/Гаятри" , 2025

Содержание

Ночь новой луны 6
1 9
2 11
3 14
4 17
5 19
6 21
7 22
8 25
9 29
10 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Розита Манугерра
Маланима

Эта повесть – плод авторской фантазии. Места, события и персонажи – которые действительно существуют или существовали – преображены в соответствии с творческим замыслом. В остальном любое сходство с реальными людьми и событиями является чисто случайным.

Моему дедушке – самому лучшему рассказчику из всех, кого я знала

Мне хотелось, чтобы он наконец признал, что не может избавиться от этого места.

Хотя постоянно твердит, что все давно в прошлом.

«Да, я не могу выбросить его из головы, – наконец устало произнес он, – но я борюсь. И рано или поздно выиграю эту маленькую битву. Я от него освобожусь».

«Огни, пылающие в ночи», ЭРМАННО РИ[1]

Originally published as Malanima in Italy in 2025 by Feltrinelli Editore.
This edition is published in agreement with Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA).

Questo libro e stato tradotto grazie a un contributo per la traduzione assegnato dal Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale italiano.

Эта книга переведена благодаря финансовой поддержке, предоставленной Министерством иностранных дел и международного сотрудничества Италии.

Дизайн обложки Дианы Левандовской
В оформлении обложки использована фотография Abhinav Bhardwaj / Unsplash

Copyright © 2025 Rosita Manuguerra
© Оксана Рогоза, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке. Livebook Publishing LTD, 2026

Ночь новой луны

Папа и мама встретились под водой, и более подходящего способа знакомства двух островитян представить невозможно. Мама всегда плавала с закрытыми глазами, чтобы уберечь их от морской соли. Она заранее намечала маршрут и плыла по прямой, почти у самого дна, насколько хватало дыхания. Однажды на ее пути оказался мой отец. По словам мамы, именно он прервал ее заплыв, оказавшись ровно посередине между нею и рифом, который она выбрала в качестве конечной точки. Сам отец говорил об этом так: если плыть, не глядя куда, рано или поздно с чем-нибудь или кем-нибудь столкнешься. И что моей маме повезло, что на ее пути оказался именно он.

Глядя на их фотографии тех лет – ей недавно исполнилось восемнадцать, слитный купальник в вертикальную полоску, копна вьющихся волос, обрамляющих лицо, ему двадцать пять, острые скулы мальчика, которому слишком быстро пришлось повзрослеть, – я нередко думала о том, что родители эту историю выдумали. В тот июль мама и папа всегда встречались на одном и том же утесе, который служил запасным местом высадки на остров, если дул сильный мистраль. И когда я говорю «встречались», то имею в виду, что они приходили туда каждый со своей компанией. Проводить время наедине – об этом не могло быть и речи. И уж точно не там, где даже у стен имелись уши.

Казалось бы, хорошо продуманный план, но вскоре он вызвал подозрение у их друзей, которые, сами не понимая почему, постоянно купались в одном и том же месте. Сначала они заметили их взгляды, затем позы: мама и папа были всегда повернуты только друг к другу, словно ненормальные подсолнухи. После каждого купания их полотенца незаметно приближались, и на закате влюбленные уже лежали рядом, едва касаясь друг друга мизинцами. Друзья кружили рядом, не смея потревожить эту парочку, уверенные, что между ними что-то происходит.

Первым спросить об этом отца отважился Каракатица. И поскольку этот папин друг никогда не отличался особой проницательностью, сам факт вопроса был явным признаком того, что поезд уже летит полным ходом.

– Ческо, – сказал он, – чего ты хочешь от Терезы?

– Я хочу узнать ее поближе, – честно ответил папа.

– Имей в виду, она помолвлена с молодым Принчипино, – не без некоторого удовлетворения сообщил Каракатица.

Окончив среднюю школу, Тереза продолжала существовать в закрытом мирке родительского дома. Продолжать учебу она не могла – как женщина и как островитянка, поскольку это означало бы – пересечь море. К тому же мама легко убедила себя, что такая жизнь ей нравится. Она просыпалась каждое утро ровно в шесть, складывала откидную кровать, прятала ее в шкаф, не забывая стереть тряпкой следы на его дверцах, и ее комната вновь превращалась в гостиную. Потом мама шла на кухню, ставила на плиту кастрюльку с молоком и, еще до того, как оно закипало, успевала покормить кошек, нетерпеливо поджидавших ее во дворе.

В том году Косоглазка родила четырех котят, все белые и слепые. Мама наблюдала за ними, сидя на крыльце. Гадала, выживет ли на этот раз хоть один из них. Косоглазка не была хорошей матерью: она часто уходила по своим кошачьим делам, надолго оставляя котят одних. Иногда их убивал голод, иногда забивали чайки. Мама уже потеряла счет маленьким тельцам, от которых приходилось избавляться. Она складывала их в мешочек и бросала в море. Каждый раз мама умоляла родителей оставить котят в доме, но безуспешно. Моя бабушка неизменно отвечала, что кошки рождаются свободными и должны оставаться такими.

По отношению к самой маме это правило не работало. Бабушка даже не вспомнила о нем, когда родители Принчипино пришли к ним в дом с фотографией сына и предложением о

помолвке. Мама не стала возражать. Она подумала, что, в конце концов, в семнадцать лет это и есть следующий шаг и что, когда она познакомится с женихом, он может ей понравиться.

Семьи договорились о помолвке. Каждое воскресенье, завершив утренние дела по дому, мама шла в церковь. Затем она гуляла с кузинами Принчипино. Все были разнаряжены так, будто Всевышний непременно наказал бы их, явись они на мессу в повседневной одежде. После фланирования от одной площади до другой – не более десяти минут туда и столько же обратно – мама спешила домой к будущим свекрам, которые уже ее ждали.

Она входила в дом, оставляла свое лучшее пальто на кровати в спальне, и ее ноздри наполнял запах комнаты, содержащейся с музейной тщательностью. Вскоре наступало время обеда: мама помогала на кухне, накрывала на стол, а позже убирала со стола, демонстрируя те умения, которыми должна обладать будущая жена.

Сам жених в эти дни отсутствовал: он проходил военную службу. Связь между ним и мамой поддерживалась письмами. Его послания были чрезвычайно длинными и содержали обязательные признания в любви, которые она находила несколько чрезмерными, учитывая то, как мало они знали друг друга. Однажды, в тех нескольких строчках, которые мама писала в ответ, она высказала свои сомнения:

– Я не хочу тебя обидеть, но, возможно, я тебя не люблю.

Принчипино откликнулся так:

– Это не имеет значения. Пока мне достаточно того, что я люблю тебя.

С тех пор как они обручились, он приезжал в отпуск всего раза три. И каждый раз у мамы поднималась температура, которая была такой высокой, что не позволяла ей выйти из дома. Моя бабушка, ухаживавшая за ней в эти дни, с трудом удерживалась от упреков. Она прикладывала ко лбу дочери холодные компрессы, ждала полчаса и снова измеряла температуру. Если жар не спадал, бабушка повторяла эту процедуру до тех пор, пока не начинала задаваться вопросом, адресованным неизвестно кому: что же ей делать с этой несчастной дочерью, которая заболевает каждый раз, когда должна встретиться со своим женихом. А ведь он был такой прекрасной партией! Потом бабушка шла на кухню, чтобы, как она говорила, сварить бульон, открывала холодильник и вдруг начинала плакать. «Бедные мы, бедные», – приговаривала она, всхлипывая, а дочь слушала ее из гостиной.

Когда мамина лихорадка случилась в третий раз и совпала с ее восемнадцатилетием, доктор наконец поставил диагноз:

– Маланима, – сказал он.

Загадочная болезнь, которая поражает тех, кто живет в том месте, где ему не хочется находиться.

– И чем она лечится?

– Лечится… лечится морем.

На острове море лечило все.

Тогда мама добавила к своим ежедневным делам прогулки на тот самый утес – каждый день в три часа пополудни. Не знаю, было ли это благотворным влиянием морского воздуха или возможности вырваться из привычной рутины, но что-то в ее миропонимании вдруг изменилось. Одним воскресным утром, которое обещало быть таким же, как и все остальные, мама вдруг словно прозрела и наконец приняла решение. Попрощавшись с матерью, она направилась к родителям жениха, держа в руке конверт. Поблагодарив их за проведенное вместе время, мама положила на стол письмо с просьбой передать его Принчипино, а затем навсегда покинула этот дом. Оставшись одни, супруги вскрыли конверт и прочитали то, что было внутри. Там говорилось примерно следующее: «Прости, но важно то, что я тебя не люблю».

* * *

Через два года и два месяца у Ческо и Терезы родилась я. Свадьба была скромной: никто из них не любил понапрасну тратить деньги, которых к тому же и не было. А если бы пришлось приглашать всех знакомых, праздник охватил бы весь остров.

* * *

Первая ночь моей жизни была безлунной. Согласно поверью, это означало, что после меня у родителей не будет других детей. И, честно говоря, моя мама была этому рада. Именно тогда, когда она искала глазами в небе отсутствующую луну, делая первые неуверенные шаги после целого дня испытаний, мама приняла решение, какое имя мне дать. Она назвала меня Мией[2], потому что чувствовала, что до этого момента ничто в жизни по-настоящему ей не принадлежало, и надеялась, что с моим появлением все изменится.

[2] От итал. *mia* – моя.

1

На острове не все появлялись и исчезали одинаково. Например, были те, чье присутствие я связывала с природными явлениями. Они прибывали с майским солнцем и уезжали с первыми сентябрьскими дождями – такими, которые лишь слегка уплотняют почву, чтобы не поднималась пыль. Мне казалось, эти люди просто не воспринимали остров вне его летней красоты, когда солнце уже не царило над всем вокруг, уступая место всепроникающим ветрам. Возможно, они уже знали секрет, который до определенного времени был мне неведом: оставаться только до тех пор, пока условия благоприятствуют.

Многие жители острова ежедневно переправлялись по воде туда и обратно. Они покидали свои семьи ранним утром и пересекали море, направляясь на работу в прибрежные города, чтобы вернуться домой поздно вечером. Одна нога на том берегу, другая на этом – без размышлений, к какому из берегов они на самом деле принадлежат. Для некоторых островитян домом стало море. Они проводили целые ночи на борту рыбацких лодок, возвращаясь на берег только для того, чтобы опустошить сети, закрыть ставни на окнах и лечь спать в ожидании следующей ночи. А были и те, кто даже не задумывался об отъезде.

Марина появилась на острове в начале лета, но, когда пришло время уезжать, она осталась. Впервые я увидела ее в таком месте, куда туристы забредали нечасто. Этот пляж располагался сразу за городом, но даже местные приходили сюда лишь изредка – только когда дул сирокко. Это было единственное место на побережье, скрытое от ветра. Обычно все обходили этот пляж стороной, потому что сразу за ним находилось кладбище, а приливы здесь были такими, что грозили унести с собой в море ближайшие мраморные надгробия – покрытые коркой морской соли, потому что за ними давно никто не ухаживал. До пляжа было всего двадцать минут ходьбы, поэтому я предпочитала оставлять свой велосипед дома и добираться до него пешком. Мне нравилось неспешно гулять по дороге, любуясь растительностью, которая выглядывала из-за обрамляющих ее каменных стен. В это время года здесь цвели в основном опунции с их сочными плодами оранжевого и амарантового цвета – того же оттенка, что и губная помада тети Ньетты. Чем больше плодов я замечала на кактусах, тем яснее осознавала, что конец лета близок. Об этом возвещали и первые дожди.

То, что дождь делает с землей, шторм проделывает с морским дном. Сначала его поверхность вскипает, и песок распыляется в воде. Затем все оседает, и море вновь становится прозрачным – настолько, что можно разглядеть каждую деталь на дне, словно смотришь через стекло. Всякий раз, когда заканчивался шторм, мне не терпелось самой в этом убедиться, и я знала, что бухта Сан-Никола – самое подходящее место для моих наблюдений.

Туфовые бассейны, расположенные в бухте, не были природного происхождения. Но море со временем окрасило горную породу в черный цвет и сгладило ее края настолько, что тот, кто не знал, что эти карьеры – творение человеческих рук, ни за что бы об этом не догадался. Штормовые волны наполняли бассейны водой, а потом наступал момент ее возвращения в море. Вода просачивалась сквозь трещины в известковых стенах, оставляя то, что принесла с собой: коряги и обломки ловушек на омаров.

В тот день морская вода оставила после себя черную, похожую на кусок смолы объемную массу, которую я заметила еще с дороги. Мне пришлось подойти ближе к краю каменного обрыва, чтобы понять, что это лежащий на боку дельфин. Вода покрывала его лишь наполовину. Другая часть тела чернела, высушенная горячим воздухом. Для дельфинов воздух и вода – две родные стихии, но сейчас они расположились так, что не оставили ему шансов выжить. Я уже нащупала ногами трещины в стене, собираясь спуститься вниз, когда вдруг увидела Марину, появившуюся из-за скалы. Тогда я спряталась, решив понаблюдать за ней.

На вид Марина была примерно такого же возраста, что и я. Мне сразу бросилась в глаза белая прядь в ее темных волосах. Неся в руках охапку длинных палок, Марина вошла в воду, намочив отвороты бермуд. Не обратив на это никакого внимания, она приблизилась к дельфину, подсунула палки под его тушу и стала давить на них, как на рычаг. Издалека я могла видеть очертания ее лопаток над полоской купальника, которые поднимались и опускались в такт ее усилиям. Марине понадобилось несколько попыток, чтобы понять необходимость навалиться всем телом. В конце концов ей удалось перекатить дельфина через край бассейна в открытое море. При этом сама она поскользнулась на мокрых водорослях и оказалась в воде. Опершись на ладони, Марина поднялась как раз в тот момент, когда дельфин на мгновение всплыл на поверхность, прежде чем нырнуть в глубину. Я наблюдала, как она стояла неподвижно, глядя на то место в воде, где он исчез. Затем Марина медленно выбралась из бассейна, подобрала оставленную на берегу сумку, села на камень и закурила. Меня она не заметила, а сама я к ней не подошла. Я думала, что она одна из тех, кто вскоре покинет остров.

2

В те дни я пользовалась любым предлогом, чтобы выйти из дома. Нужно было пойти за хлебом – и я шла. Вернувшись, я клала его в буфет, где ранее купленные булки уже начинали плесневеть, но никто так и не удосуживался их выбросить. Все наши домашние заботы вращались вокруг моей бабушки по отцовской линии, и это было особенно заметно в ее последнее лето – то, когда она сдалась.

Долгое время я воспринимала свою бабушку только как слабую и хрупкую женщину, перетягивающую на себя внимание, которое, по моим детским представлениям, по праву должно было принадлежать мне. Она носила розовую шаль ручной работы – ту самую, которая сразу приходит на ум при слове «старая». Уже много лет бабушку, как все это называли, «не держали ноги» – с тех пор, как после второго инсульта ей сначала пришлось пользоваться тростью, затем передвигаться в инвалидной коляске, и в конце концов ее стали переносить на руках с кровати на кресло и вечером обратно в кровать.

Я не помнила те времена, когда бабушка ходила и разговаривала. В детстве, выйдя утром из своей комнаты, я первым делом шла ее поцеловать – сначала в одну щеку, потом в другую. Меня так научили. Бабушка в ответ прижималась губами к моим скулам, уже не имея сил чмокнуть как следует и не контролируя свое тело, – на моем лице неизменно оставались капли ее слюны, которые я, отходя, тайком вытирала тыльной стороной ладони. Однажды мой отец заметил это и рассердился, а я не могла понять почему. И только несколько лет спустя вдруг осознала, что эта женщина, которую я считала досадной помехой, была его матерью еще до того, как стала моей бабушкой. Хотя он сам давно перестал с ней разговаривать, смирившись с тем, что она больше не может ему ответить.

Тогда наладить общение с бабушкой попыталась я. Возвращаясь из школы, я садилась с ней рядом. Из ее рта вырывались невнятные звуки – иногда просто слоги, иногда – отдельные слова. Я терпеливо ждала, пока они сложатся в предложения. «Иди сюда, внучка», – эта фраза была одной из самых разборчивых, которые бабушке удавалось произнести. Иногда мне казалось, что только я одна была в состоянии ее понять. Я представляла, что тело бабушки стало темницей для ее разума – еще живого, но уже потерявшего способность управлять физической оболочкой. Мы с ней выработали собственный язык: один раз моргнуть – да, два раза – нет. Бабушка быстро привыкла к этому простому способу общения. Когда мне нечего было сказать, она в нетерпении поднимала глаза к потолку, будто хотела меня поторопить. Тетя Ньетта, сестра моего отца, с любопытством наблюдала за нашими с бабушкой разговорами.

Мы обедали ровно в половине первого и ужинали в семь вечера. Тетя всегда накрывала и для бабушки, прекрасно понимая, что та не сможет сидеть с нами за столом. Думаю, эта привычка давала ей утешение, позволяя поверить, пусть даже на пару мгновений, что ее мать все еще такая же, как была раньше. Тканевая салфетка, стеклянный стакан, столовые приборы из приданого – большие, но легкие. Позже я узнала, что они были у бабушки любимыми – еще с тех времен, когда она могла ходить. В доме не осталось ни одной фотографии тех лет. «Было бы неделикатно показывать их ей», – сказал кто-то. Однажды я обнаружила в мамином шкафу альбом, завернутый в полупрозрачную бумагу, и внутри фотографию со свадьбы моих родителей. На ней моложавая бабушка в сером платье стояла рядом с моим отцом, и ее жесткие, туго закрученные кудри казались сделанными из проволоки. Честно говоря, мне с трудом удалось ее узнать.

– Какой была бабушка в молодости? – спросила я маму, показывая эту фотографию.

– Она держала в повиновении всю семью, – услышала я в ответ. – Пока она могла говорить, никто и не думал ей возражать.

Я попыталась сопоставить этот гордый образ с тем, что был у меня перед глазами: жидкие волосы, обвисшая кожа на костлявом лице. Порой мне казалось, что бабушка не говорит с нами не из-за того, что не может, а потому, что ей больше нечего сказать. Словно она наконец-то смирилась со стремительным течением времени, но при этом сохранила в себе некое странное упрямство. Я фантазировала, что рано или поздно бабушка решится и скажет нам что-то важное, а пока она просто приберегает силы для этого момента.

Моя бабушка переехала на остров из любви к дедушке, который умер незадолго до рождения их второго ребенка – моего отца. Поэтому папу назвали в его честь – Франческо. Бабушка вырастила детей одна, трудясь на земле, оставленной ей мужем. Ее помидоры были самыми вкусными на острове, ведь она поливала их соленой водой. После смерти дедушки бабушка могла вернуться на материк – в маленький городок, где родилась и выросла, – но не захотела. С первых дней жизни на острове эта земля, окруженная морем, словно околдовала ее. Именно поэтому бабушка настояла на том, чтобы назвать мою тетю – своего первенца – именем, напоминающим название острова. Это невольно спровоцировало вражду с родственниками со стороны мужа, которые считали, что первая дочь должна носить имя свекрови – Антоньетта. Бабушка согласилась на то, что это будет вторым именем ее дочери, но этого оказалось недостаточно, чтобы успокоить обидчивую родню. Они перестали здороваться с невесткой и называли мою тетю не иначе, как Ньетта. Старшая сестра моего отца всем представлялась только этим именем, потому что остров не любила и часто говорила, что, если бы могла выбирать, никогда бы здесь не осталась. Однако она была вынуждена жить с матерью, которая стала первой женщиной на острове, осмелившейся, к великому возмущению островитян, надеть брюки. Первый инсульт настиг мою бабушку в сорок с небольшим, и с тех пор она больше не могла о себе позаботиться. Не каждый понимает, каково это – не хотеть ничьей помощи и быть не в состоянии без нее обойтись.

Так тете Ньетте и папе пришлось ухаживать за матерью. Хотя мой отец был женат, все продолжали жить вместе под одной крышей. Ньетта всегда была для меня скорее старшей сестрой, чем тетей, – старшей намного: ей исполнилось сорок, когда мне не было еще и десяти. Именно к ней, а не к маме я обращалась, когда мне нужны были помощь или совет.

Ньетта никогда не сидела сложа руки. Когда мои отец и мать сменяли ее в уходе за бабушкой, она шла преподавать в школу кройки и шитья, расположенную в ветхом здании, принадлежащем местной церкви. Вернувшись вечером домой, тетя прятала заработанные деньги в шкатулку для драгоценностей.

– Помни, Мия: привязанности нас губят, – говорила она мне с серьезным выражением лица.

Я кивала, чувствуя нечто среднее между восхищением и замешательством. Уже тогда я ощущала в ней что-то для меня непостижимое, и чем настойчивее я пыталась это ухватить, тем сильнее оно от меня ускользало.

Иногда я помогала Ньетте с домашними делами. В комнате бабушки стоял шкаф, который, когда его открывали, источал сильный запах лаванды. Мы с тетей собирали ее каждый год в июле и раскладывали в маленькие хлопчатобумажные мешочки. Я отделяла цветы от стеблей и отрезала атласные ленты равной длины, чтобы бантики были одинаковыми. Но такими они не получались никогда, и именно в этом заключалась их прелесть. С правой стороны в шкафу висел белый полотняный чехол с бабушкиным свадебным платьем. Время от времени Ньетта доставала его оттуда и выносила на террасу проветрить. Тетя подвешивала платье к кровельной балке, используя длинную суковатую палку. Оно оставалось там до захода солнца, развеваясь на ветру, словно парус.

Иногда я замечала застывший, словно завороженный, взгляд Ньетты, когда она смотрела на свадебный наряд.

– Тетя, о чем ты думаешь? – спрашивала я ее тогда.

– О том, что мне оно уже не понадобится.

Она встряхивалась, выходя из оцепенения, и принималась снимать платье с балки, чтобы повесить его обратно в шкаф. Тетя спускалась по лестнице, держа белый наряд осторожно, словно новорожденного ребенка. В те дни, когда дул мистраль, по террасе порой проносились сквозняки. И тогда платье, удерживаемое тетиными руками, надувалось и шевелило слегка пожелтевшими оборками, напоминая гигантскую медузу. Я бросалась на платье и сжимала его, пока оно не принимало свои обычные размеры. Тетя Ньетта начинала смеяться, но почти сразу же становилась серьезной, приказывая мне быть осторожней, чтобы не испортить платье. Ведь, даже если она никогда им не воспользуется, однажды наступит мой черед. В ее устах это звучало словно угроза. Я была еще ребенком и редко задумывалась о замужестве: для меня оно было скорее вопросом судьбы родственных уз, нежели вопросом белых платьев. Но я слушала тетю, не перебивая, не умея выразить того, что чувствовала, потому что ее слова – и это случалось всегда – уносили меня к горизонту тайны.

Летом, когда мне исполнилось тринадцать, состояние бабушки резко ухудшилось. Папе и тете Ньетте больше не удавалось убедить ее покинуть свою постель. Они переворачивали бабушку каждый час, чтобы на теле не образовалось пролежней. Я перестала выходить из дома. Наблюдая за бабушкой, я думала, что, если бы мне удалось прочесть ее мысли, это была бы череда молитв Господу с просьбой забрать ее отсюда как можно скорее. Но я не умела читать чужие мысли. Все, что мне оставалось, – держать бабушку за руку, ощущая ее длинные тонкие пальцы, которые, как все говорили, я от нее унаследовала.

В последние дни я закрывала бабушкины уши руками, чтобы она не слышала, как папа и Ньетта спорили так громко, будто ее здесь не было.

– Ческо… – начинала Ньетта, но отец словно не слышал ее.

Вернувшись с поля, он неподвижно сидел на диване, поддавшись монотонности часов ожидания. Тогда тетя начинала его трясти.

– Ческо, – повторяла она твердым голосом человека, который много раз прокрутил в голове то, что собирался сказать, – мы должны решиться. Мы не можем оставить ее в таком состоянии. Нужно отвезти ее в больницу.

Папа резко качал головой, словно отгоняя назойливую мысль.

– Тут нечего решать. Ты же знаешь, что она говорила. «Оставьте меня здесь!» – вот ее слова. Я не допущу, чтобы она умерла на материке.

– Значит, ты решил ничего не предпринимать?

– Да. Я прослежу за тем, чтобы все было так, как она хотела.

– Тебе кажется, я сделала недостаточно? – отвечала на это Ньетта, но таким тихим голосом, что даже без моих рук, закрывающих уши, бабушка все равно бы ничего не услышала.

От этих слов мой отец опускал взгляд, словно провинившийся школьник, а я ловила себя на мысли, что, возможно, десять или двадцать лет назад они ссорились точно так же. Тетя уходила в негодовании, чтобы на следующий день снова пойти в атаку. Так, между стычками и ссорами, проходили дни за днями, пока бабушка медленно угасала.

Она умерла одним августовским утром, и, если у нее и было что нам сказать, она так этого и не сделала. Меня пришлось оттаскивать от нее силой: я отчаянно прижалась к бабушке в тот момент, когда поняла, что она больше не дышит. Тетя Ньетта, стоя у кровати, плакала и дрожала; ее волосы, обычно собранные в пучок, сейчас были распущены, и мне показалось, что седины в них гораздо больше, чем прежде. Папа стоял неподвижно, почти не дыша. По его щекам текли слезы. Так они оставались до тех пор, пока в комнату не вошла мама. Она привела с собой женщину по имени Амалия, которая должна была подготовить бабушку к погребению.

– Давайте уберем девочку, – решительно сказала она, и я не сразу поняла, что речь шла обо мне.

3

Тетя Ньетта уехала через пару недель, оставив дом, где она и мой отец жили с детства. Мне не удалось уговорить ее остаться. Я впервые оказалась наедине с родителями. Папа решил избавиться от бабушкиного кресла – он не мог смотреть на него спокойно. Потом он запер комнату Ньетты.

– Она вернется, – сказал папа, ни к кому конкретно не обращаясь.

Меня решили переселить в более просторную бабушкину комнату. А в ту, где я спала до этого, мама перетащила старую машинку «Зингер», которая все эти годы ютилась в сарайчике рядом с огородом.

– Я не знала, что ты тоже умеешь шить, – сказала я ей однажды днем.

Она только что принесла мне новое платье – такое же, как то, что было на мне в день бабушкиных похорон, только джинсовое, со сборкой на груди.

– Мы с твоей тетей познакомились благодаря шитью, – ответила мама, впервые упомянув Ньетту после ее отъезда.

И мне вдруг подумалось, что все эти годы мама могла страдать от ревности. Должно быть, она угадала мои мысли, потому что, не поднимая на меня глаз, нервным жестом указала на платье и предложила примерить. Я открыла зеркальную створку шкафа, разделась и стала надевать платье, но молния остановилась на середине спины. Моя грудь выросла, а я этого даже не заметила. Мама подошла и помогла мне снять платье. Затем, аккуратно сложив платье, она убрала его в сторону.

– Подожди, – сказала мама, направляясь в свою спальню.

Я слышала, как она роется в ящике комода. Когда мама вернулась, в руках у нее был лифчик.

– Вот ты и выросла, – произнесла она, протянув его мне.

В ее голосе звучала легкая грусть, но на губах играла улыбка.

* * *

Из последующих дней мне больше всего запомнилась тишина. Она витала в воздухе и оседала на всех поверхностях в доме. Мы всегда жили вместе, но никогда еще не находились в такой близости друг от друга, и теперь просто не знали, что с этим делать.

Я смотрела на мать и отца и задавалась вопросом, была ли их любовь соразмерна установившемуся между ними молчанию. За все эти годы я не могла припомнить ни поцелуя, ни ласкового жеста. Размышляя о их совместной жизни, я приходила к выводу, что, скорее всего, особых нежностей между ними никогда не было. Мне было неприятно это осознавать, и, чтобы больше не думать об этом, я уходила из дома и шла искать своих приятелей – Анну, Джулию и Нелло.

– А, ты и о нас вспомнила? – упрекнула меня Анна, когда я позвонила ей в первый раз после долгого перерыва.

Но все-таки сказала, где их найти. В конце концов, мы были привязаны друг к другу, хотя, наверное, это было сродни тому, как привыкают к расположению мебели в собственном доме. Честно говоря, нам никогда не приходило в голову говорить о наших отношениях вслух.

Летом мои приятели ежедневно проводили время у моря. Но теперь, когда наступил сентябрь и в три часа было слишком прохладно, чтобы оставаться в мокрых купальниках, они променяли пляж на прибрежные скалы, а плавание – на игру в бутылочку.

Я перелезла через невысокую каменную стену там, где она просела, и пошла к мысу. Там, в прибрежных скалах, скрывалась неглубокая пещера – из нее доносились голоса. Мои друзья разместились на каменной плите, отполированной ветром и водой настолько, что на ней можно было с комфортом не только сидеть, но и лежать. Перед нами, если смотреть в сторону моря, выстроились острые скалы, в отдалении сливаясь с бьющими в них волнами.

У Анны и Джулии тоже выросла грудь, но они не пытались это скрывать, а гордо демонстрировали ее, обтянув яркими топами. Я же сутулилась и, несмотря на то что было еще тепло, пряталась под такой широкой толстовкой, что мое тело казалось бесформенным. Мы кивнули друг другу в знак приветствия. Я едва успела положить сумку на землю и расстелить пляжное полотенце, собираясь сесть рядом с ними, как Джулия повернулась к Нелло. За лето мой друг сделался высоким и худощавым, а его торчавшие во все стороны лохматые волосы напоминали разросшуюся спаржу. Моя подруга ткнула в его сторону пальцем и спросила: «Правда или действие?» Нелло без колебаний выбрал первый вариант. Я догадалась, что пришла в самый разгар игры, правила которой были усовершенствованы за месяцы моего отсутствия. Это подтверждала и реакция Джулии. Услышав ответ Нелло, она расправила плечи, и на ее лице появилась насмешливая улыбка. Затем Джулия задала вопрос, который, я была уверена, уже давно сложился у нее в голове:

– Сколько девчонок ты поцеловал за это лето?

Нелло напрягся и процедил сквозь зубы:

– Ни одной.

Взгляд нашей подруги изменился: в нем мелькнуло что-то хищное, а зеленые глаза сузились. Я никогда еще не видела такого выражения на ее лице, и оно меня немного насторожило.

– А парней сколько? – спросила Джулия, не заботясь о том, что по правилам игры можно задавать только один вопрос.

Возможно, этим она хотела подчеркнуть, что в тот момент правила устанавливала она.

– Что?

На лице Нелло читалась злость. А его челюсти напряглись.

– Тебя видели на пляже с Марио, – вмешалась Анна, которая, казалось, ждала этого момента всю жизнь.

– И он целовал тебя в губы, – не унималась Джулия.

Лицо Нелло стало белее мела, а уши покраснели.

– Оставьте его в покое! – возмутилась я. – Это не ваше дело!

Все повернулись ко мне, будто только что вспомнили о моем присутствии.

– Не наше? – с притворным удивлением проговорила Джулия. – А может быть, не твое? Это же ты пропадала целый месяц!

Внутри меня вспыхнула злость. Которая копилась месяцами и никак не была связана с моими друзьями. Хотя, возможно, наоборот – она имела прямое отношение к тому, что происходило.

– Ну прости, что моя бабушка умерла! – с раздражением ответила я. – Наверное, ей нужно было спросить у вас разрешения.

Джулия лишилась дара речи: она никак не ожидала от меня такого ответа. В разговор снова вмешалась Анна:

– Мия думает, что этот идиот в нее влюблен, – сказала она, насмешливо глядя на меня.

– Я никогда не говорил, что влюблен! – горячо возразил Нелло.

– Ты чертов педик, вот ты кто! – выкрикнула Джулия, резко вскочив и подаваясь к нему.

Я привстала и дернула ее за руку, заставив снова сесть.

– Прекращайте! – крикнула я и крутанула бутылку.

Через несколько оборотов она остановилась, указывая горлышком на меня.

– Правда или действие? – бросила мне Анна.

– Действие, – не сомневаясь, ответила я.

– Тогда поцелуй Нелло прямо сейчас, – приказала она, словно такой поступок мог полностью решить вопрос, либо, напротив, обострить его до предела.

Я фыркнула. По правде говоря, мне уже надоела эта игра. Подойдя к сидящей Анне вплотную, я наклонилась к ее уху, будто собиралась что-то прошептать. Но вместо слов резко повернула к себе ее лицо и запечатлела на губах одноклассницы звонкий поцелуй.

– Теперь иди и расскажи всем, что мы лесбиянки.

И, схватив свои вещи, я ушла от них, улыбаясь.

4

Я обреченно ждала начала учебного года. Что касается моих родителей, они, похоже, были рады возможности не видеть свою дочь, уныло слонявшуюся по дому, который они продолжали перекраивать. Накрыв мебель клеенкой, мама и папа принялись сносить стену, разделявшую зал и кухню. Судя по всему, освоение физического пространства помогало им упорядочить собственный внутренний мир.

Прогулки по побережью меня больше не привлекали. Эпизод с девушкой и дельфином стал единственным ярким событием, позволившим вырваться из повседневной монотонности. А потом, с того дня, – ничего. Даже мысль о встрече с одноклассниками вызывала у меня скорее скуку, чем беспокойство. Неудивительно, что, переступив порог класса в первый день учебного года, я меньше всего ожидала обнаружить там новое лицо. Это была она – сидела во втором ряду слева, – с той самой белой прядью, резко выделявшейся на фоне ее темных, до пояса, волос. Мы никогда не видели такого сочетания в наших краях. Иногда мы с подругами пытались осветлить локоны на солнце: для этого нужно было смочить их изрядной порцией пива и подставить под палящие лучи солнца в самые жаркие часы. Но белая прядь седых волос оказалась не единственной странностью. Было что-то особенное в том, как новенькая смотрела на всех остальных.

Учительница представила ее нам:

– Марина.

Пока все засыпали новенькую вопросами, она стояла, держа руки в карманах, и смотрела на них так, словно те говорили на иностранном языке. Время от времени она бросала в ответ короткую фразу или даже отдельное слово.

– Милан. Наследственная особенность. Пару недель назад. Я видела полумертвого дельфина.

Я тоже его видела. Как и ее саму.

И все-таки, когда Марина перевела на меня взгляд, я осталась единственной, кто не ответил на него, и не стала ни о чем ее спрашивать. Анна, сидевшая, как всегда, рядом с Джулией, повернулась ко мне и тихо проговорила:

– Что она о себе возомнила?

Моя подруга была уверена, что хорошо разбирается в людях, и считала необходимым высказывать свое мнение о каждом, особенно о тех, кто не обращал на нее никакого внимания. О таких Анна говорила, что они считают себя выше других. Потом мы видели, как эти люди делали то же, что и все остальные, – в тех же местах, на том же острове. Тогда я приходила к выводу, что они не так уж сильно от нас отличаются. Но в тот момент я не могла сказать, что общего у Марины с нами. Я просто знала, что она другая.

* * *

Как только прозвенел звонок, сами собой сложились несколько компаний. Но Марина осталась сидеть за партой, записывая что-то в блокнот. Когда к ней подошла Анна, новенькая прикрыла страницу ладонью.

– Хочешь к нам присоединиться? – спросила Анна.

Наш утренний ритуал состоял в том, чтобы, стоя во дворе и болтая, разворачивать фокаччу, купленную по дороге в школу. Она была завернута в коричневую бумагу, к которой непременно добавлялся целлофановый пакет, иначе мы рисковали получить книги и тетради,

покрытые жирными пятнами, а также насыщенный аромат свежеиспеченного хлеба, который разжигал бы наш аппетит во время урока.

Марина отклонила приглашение.

– Мне нужно учиться, – ответила она.

Было непонятно, что можно учить в первый школьный день. Я вышла во двор за остальными. Нелло тоже подошел к нам. Анна и Джулия по негласному соглашению решили больше не вспоминать о нашей размолвке в пещере. На острове споры либо сразу забываются, либо рискуют продлиться всю жизнь. Я устроилась на ступеньках лестницы, выходящей во двор, и стала прислушиваться к разговорам друзей. Но мои мысли все время возвращались к девушке с дельфином. Даже если сейчас Марина находилась вне поля моего зрения, я знала, что она все еще сидит там, в классе, склонившись над своими записями.

Слева от нас мальчишки играли в футбол, пасуя друг другу мяч и не обращая внимания на солнце, которое грозило испечь их головы за какие-нибудь четверть часа.

– Она считает себя лучше нас, – вынесла свой вердикт Анна.

Джулия энергично кивнула. Глядя на них, можно было подумать, что, помимо причесок с небрежной челкой, у них были еще и одинаковые мозги, которые включались и выключались поочередно после каждой реплики подруги.

– Почему ты так считаешь? – спросила я Анну.

– Потому что мы, в отличие от нее, выросли, бегая босиком по песку, – ответила она, словно этого было достаточно, чтобы сделать из нас представителей чуть ли ни другого биологического вида.

Мне вспомнилась Марина, входящая в воду в бухте Сан-Никола. Я будто снова увидела ее нервное худое тело, ее, пытающуюся вернуть едва живого дельфина в море. Я бы не сказала, что для нее было проблемой ходить босиком.

– Может, ей просто нужно время?.. – попыталась возразить я.

Но не успела закончить фразу, так как мне в голову ударил мяч.

– Прошу прощения, – крикнул Альдо.

Он учился в параллельном классе, и его отец был владельцем мясной лавки.

Я наклонилась и подобрала мяч. На миг у меня возникло желание не отдавать его, прервав игру и вызвав тем самым протесты разгоряченных игрой одноклассников. Но я этого не сделала. Вернув мальчишкам мяч, я повернулась к Анне, Джулии и Нелло, которые ждали продолжения нечаянно прерванного разговора.

– Может и так, но если она будет продолжать в том же духе, то останется одна, – заявила Анна.

И мне почему-то подумалось, что моя приятельница имела в виду не только Марину, но и меня, а также поцелуй, который я у нее украла.

Прозвенел звонок на урок, и я пошла в класс вслед за остальными. Убедившись, что Анна и Джулия скрылись за дверью, я повернулась к Нелло, который до этого лишь молча слушал наш разговор.

– Неужели так плохо быть одному? – спросила я.

Нелло кивнул.

5

В последующие дни Марина продолжала отказываться от наших приглашений. Кроме коротких фраз, сказанных в день знакомства, она больше ничего о себе не рассказывала. Мы очень редко слышали ее голос, и это давало простор нашему воображению.

– Должно же быть что-то, что ее интересует! – сказала я, обращаясь к Нелло.

Мы сидели на ступеньках у него на веранде. Покончив с домашним заданием, мы принялись обсуждать свои догадки и предположения.

Дом, в котором жил Нелло, стоял на месте заброшенного туфового карьера. Много лет назад, когда стало ясно, что добывать здесь больше нечего, каменоломню засыпали землей и засадили цитрусовыми деревьями. С дороги не было видно даже их верхушек – разве что встать на цыпочки у стены и посмотреть вниз. Это был наш с Нелло тайный Эдем, еще со времен начальной школы, когда мы с ним подружились. Нелло был одним из тех мальчишек, которые каждый день играли в футбол у стен бывшей тюрьмы. Я наблюдала за ними издалека и однажды, набравшись смелости, спросила, можно ли мне поиграть вместе с ними.

– Это не для девчонок, – ответили мне.

Вернувшись домой, я попросила у тети Ньетты мяч, чтобы взять его завтра с собой. Тетя нашла в кладовке один; на нем было несколько разошедшихся швов, но я решила, что он мне подходит. На следующий день я пришла к тюремным стенам раньше всех и стала пинать свой мяч. Сначала ритм ударов был неровным, но вскоре, когда начали подходить другие дети, я – отчасти из гордости, отчасти из упрямства – почувствовала себя гораздо увереннее. Я все била и била мячом о стену, время от времени спотыкаясь и падая из-за вечно развязывающихся шнурков. Но я тут же вскакивала и продолжала тренировку – вплоть до самого заката, когда тени агав стали удлиняться, постепенно захватывая нагретые за день камни. Все ребята уже давно разошлись по домам, но Нелло остался.

– Давай играть вместе, – сказал он.

Позже Нелло признался, что никогда не видел, чтобы кто-то тренировался с таким упорством, даже среди мальчишек.

* * *

В тот день рядом с нами в нашем эдемском саду был и дядя Мими́, дедушка Нелло. На острове любого мужчину старше пятидесяти, в волосах которого начинала пробиваться седина, называли «дядя». Мими́ всю жизнь провел в каменоломнях, извлекая из недр блоки калькаренита. Он был одним из тех, кого мы, островитяне, называли каменными людьми. Они работали в пещерах, простиравшихся на сотни метров под землей, и возвращались в город покрытые слоем белой каменной пыли. Той самой пыли, которой они дышали день за днем, пока она не забивала их легкие.

По вечерам Мими́ и его товарищи собирались у Плачущей Маруннуццы[3], покровительницы острова и каменотесов. Эта статуя была высечена из белого туфа; и в особенно влажные вечера на лице Мадонны проступали соленые слезы. Каменотесы, к восьми вечера уже закончившие работу, выносили из домов деревянные стулья, рассаживались полукругом перед Маруннуццей и начинали петь. Так они благодарили свою покровительницу за то, что и на этот раз им удалось выбраться живыми из-под земли и снова увидеть свет заходящего солнца.

[3] *Маруннуцца* – на сицилийском диалекте уменьшительно-ласкательная форма слова «Мадонна» (то есть Богородица, Дева Мария).

Дружба с Нелло означала для меня и дружбу с дедушкой Мими́. Когда мы, уставшие после игры в мяч, возвращались по узкой тропинке домой, то неизменно останавливались перед Маруннуццей. Мими́ приветствовал нас, раскинув руки и улыбаясь. Его передний зуб, черный как уголь, одиноко торчал из верхней десны – единственный темный штрих в жизни, проведенной в белом цвете. Мими́ протягивал нам конфеты из плодов рожкового дерева, завернутые в вощеную бумагу. Наверное, его зубы почернели именно от сладостей. Мы садились рядом с дедушкой, разворачивали конфеты и жевали их, слушая пение каменотесов.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как дедушка Нелло в последний раз работал в каменоломне, и поначалу он не знал, чем себя занять. Чтобы как-то заполнить дни, Мими́ принялся высекать разные фигуры из камня – того самого, который добывал всю свою жизнь. Мы с Нелло сидели в тени лимонных деревьев, болтали и наблюдали за тем, как работает дядя Мими́. Он выходил во двор, неся на плече глыбу калькаренита, и опускал ее перед собой на деревянный пень. Затем дедушка Нелло наклонялся и прикладывал ухо к поверхности туфа. Он говорил, что туфовый блок каждый раз шепчет ему, какая форма в нем заключена. Разогнув спину, дядя Мими́ начинал рисовать углем контуры срезов, которые нужно было убрать.

– Я не создаю – я освобождаю, – говорил он.

Иногда это были фигуры женщин, иногда – рыб. Когда работа была закончена, становилось ясно, что это не могло быть ничем иным.

Иногда мы помогали дяде Мими́ отбеливать скульптуры, потемневшие от влажности. Мы делали смесь из воды и соды, а потом терли фигуры щетками. И, словно в обмен на нашу помощь, у дедушки всегда находилось несколько слов, способных развеять любые наши тревоги. Как в тот день, когда мы с Нелло говорили о Марине. Мими́ неспешно подошел к нам и сказал:

– Та девочка, с которой вы хотите подружиться… никто не приезжает жить на остров, если он здесь не родился, или не убегает от чего-то. Подумайте об этом.

Я и Нелло переглянулись, не зная, что ответить. Мысль о том, что Марина скрывается на острове, уже приходила мне в голову. Я представляла, как она в спешке собирает свои вещи в миланской квартире, выбирает наугад самую дальнюю точку на карте, висящей на стене, и решается ехать. С одним чемоданом с кожаной ручкой, такой же стертой, как ее ногти. А может, она запихнула все в вещевой мешок – тот, что завязывается на два шнурка, – вместительную утробу из ткани, таящую в себе обещание новой жизни. Но я знала, что это не так. В тринадцать лет нельзя просто сбежать, решив идти своим путем. Может быть, некоторые смогли бы на это решиться, но точно не мы.

6

Мой папа, вероятно, даже не сознавал, какие чувства всколыхнутся во мне, когда он в первый раз отвез меня к старинному замку, венчающему самую высокую гору из доступных нам гор. Оттуда открывался такой вид, который позволял охватить взглядом весь остров.

Редко случалось, чтобы мы с папой проводили время только вдвоем. Я помню, как долго мы поднимались на машине по серпантину. Все стекла были опущены, чтобы хоть немного смягчить майскую жару, и слабый запах бензина в салоне смешивался с ароматом дикого фенхеля. На мне было нарядное красное платье с оборками на юбке, которая изящно развевалась, когда я кружилась, – совсем как у балерин, выступления которых я любила смотреть по телевизору. Я сидела на заднем сиденье и плакала, сейчас уже не помню почему. Папа был в джинсовой рубашке и солнцезащитных очках, и все волосы у него тогда еще были на месте. Вспоминая его таким – молодым и красивым, – мне хочется вернуться в прошлое и сфотографировать его себе на память. Доехав до конца асфальтированной дороги, папа припарковал машину, взял меня за руку, и еще около получаса мы поднимались пешком.

Есть такой момент перед самым закатом – когда тень от горы накрывает весь город, заставляя всех жителей в Кьяне думать, что уже наступила ночь. Но это не так: солнце еще не скрылось за горизонтом, а только спряталось за горой, рисуя над ней сияющий ореол. Если подниматься достаточно быстро, можно увидеть замок, словно парящий между светом и тьмой, и западную часть острова, называемую Боско из-за росшего там когда-то дубового леса[4], окрашенную в ярко-оранжевый цвет. Отец знал эту особенность и ускорял шаг, преодолевая каждую ступень каменной тропы за один раз.

– Я устала, – захныкала я, запыхавшись от быстрой ходьбы.

Тогда папа посадил меня на плечи, чтобы помочь преодолеть последний участок пути. По мере того как мы поднимались, окружающий нас пейзаж менялся: маки и ромашки уступали место бессмертнику и низким кустарникам. И вот наконец, за последним поворотом, в окружении двухметровой стены, перед нами предстал замок.

Я ожидала увидеть пышность и разноцветные знамена, а еще башню вроде той, где держат в заточении принцесс. Но вместо этого нам открылись лишь решетки и руины. Папа, должно быть, прочел разочарование в моих глазах, потому что, присев на корточки и глядя мне в лицо, сказал:

– Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Он снова посадил меня на плечи, и мы вошли в замок. Если вид замковых стен снаружи меня разочаровал, то внутреннее убранство замка огорчило. Слабый свет, струившийся откуда-то сверху, едва освещал вход и лестницу, у подножия которой была навалена груда щебня. Лестница не казалась мне особенно надежной, но отец начал подниматься по ней, пробираясь через завалы мусора, пока мы не выбрались из люка на террасу. Он взял с меня обещание не свешиваться слишком сильно, а потом разрешил приблизиться к балюстраде. Я увидела долину Кьяны, скрывшуюся в тени, и маяк Боско, освещенный солнцем, красноватый шар которого медленно погружался за горизонт. Помню, меня поразило, каким крошечным все казалось сверху. Я могла обвести пальцем границы моего мира: от маяка до маяка, от побережья до побережья.

– Это все? – спросила я, когда мой указательный палец вернулся к исходной точке.

– Да, все, – ответил отец. – Но порой для этого не хватает и целой жизни.

И он снова стал всматриваться в горизонт. Выражение его лица смягчилось. А мне вдруг захотелось оттуда убежать.

---

[4] От итал. *bosco* – лес.

7

Марина приезжала в школу на белом «Типо». За рулем сидела какая-то женщина, должно быть, ее мать. Ничего такого, что могло бы навести на мысль о роскоши, но для меня это было подсказкой о богатстве иного рода: Марина жила в Боско. В Кьяне мы мало знали о тех, кто там жил. Это была самая неизведанная часть острова. Говорили, что она имеет лавовое происхождение и возникла в результате извержения подводного вулкана, о котором уже давно никто не вспоминал. До Боско можно было добраться по тропе, идущей вдоль склона горы. Однако следовало быть настороже, чтобы не попасть под часто случавшиеся там камнепады. Когда-то вдоль тропы пытались поставить сети, чтобы сделать путь безопаснее, но это помогало лишь отчасти, потому что главная проблема заключалась не в том, что было наверху, а в том, чего не хватало внизу. Любой, кому доводилось проплывать вдоль этого берега на лодке, знал, что горная дорога держалась буквально ни на чем. Это был своего рода естественный мост, поддерживаемый практически одними молитвами. В какой-то момент здесь начали строить тоннель. Но работы продолжались уже несколько лет, а конца им не было видно. Сам поселок представлял собой скопление разбросанных тут и там домов. Порой они стояли так далеко один от другого, что даже местные знали о своих соседях не больше, чем мы о них в Кьяне. К тому же многие дома принадлежали туристам, которые жили там только летом. И в этой череде приездов и отъездов было непросто угадать, кто приехал погостить, а кто – чтобы остаться.

Я наблюдала за Мариной, идущей по школьному двору. Она всегда приходила в школу в прозрачных колготках. У нас, девочек, было принято носить брюки – джинсовые или льняные, унаследованные из гардероба мам или, в некоторых случаях, старших сестер. Марина в школу брюк не носила. Ее ноги под колготками были изящными и как будто лишенными мышц. Они напоминали гибкие стебли некоторых растений, которые под напором ветра гнутся, но не ломаются. Наша новая одноклассница обладала грацией и томностью поздних летних вечеров, когда солнце, почти исчезнувшее за горизонтом, золотит силуэты облаков, которые для себя еще не решили, исчезнуть ли им совсем или, наоборот, вырасти до размеров грозовых туч. Она входила в класс, ни на кого не глядя, и сразу же шла к своей парте. Ставила рюкзак на пол слева от себя, доставала блокнот и начинала писать – задолго до того, как кто-либо, даже учитель, успевал произнести хоть слово. Время от времени слышалось шуршание страниц и шарканье ее ног по полу. Марина носила черные лакированные туфли. Однажды я попросила маму купить мне такие же. Но она ответила, что это неподходящая обувь для девочки и посоветовала мне выбрать туфли другого цвета, потому что хорошие девочки не носят черное, разве только на похороны. Но Марине черный цвет шел. Наверное, потому, что она не была хорошей девочкой. А может, он просто неплохо сочетался с цветом ее волос. Глядя на ее затылок, я думала: приходилось ли ей, как и мне, ощущать ограниченность своего мира там, где она жила до переезда на остров?

В нашем классе я была не единственной, кого заинтриговала Марина. Сидевшие передо мной Анна и Джулия время от времени тоже бросали на нее пристальные взгляды. После последнего отказа Марины они перестали ее куда-либо приглашать. Они наконец поняли, что новенькая не хотела становиться частью их компании. И за это они ее возненавидели.

– Что с ней не так? – то и дело повторяли Анна и Джулия, пронзая Марину оценивающими взглядами.

– Посмотри, как она одета!

– Интересно, что она все время пишет в своем блокноте?

К их шепоту присоединялись остальные одноклассники. Они даже не пытались это скрывать, словно между ними и Мариной простиралась целая вселенная и она не могла их услышать. Обсуждения дошли до предела в начале третьей недели. В тот день Марина приехала в

школу не на белом «Типо». Она вышла, поправляя рюкзак, из машины родителей Альдо. Распущенные волосы скрывали выражение ее лица. Марина махнула рукой водителю и, проходя мимо Альдо, бросила короткое «чао», чтобы до конца дня больше не сказать ему ни слова.

* * *

Ученики, жившие в городе, обычно возвращались домой пешком или на велосипедах. И эта пятнадцатиминутная прогулка становилась поводом для откровенного разговора. В тот день меня догнал Нелло. Он просто молча пошел со мной рядом. Я уже собиралась спросить его, что случилось, но поняла, что момент неподходящий, и решила подождать.

Нелло плотнее запахнул ветровку и застегнул молнию до самого подбородка, чтобы защититься от сильных порывов мистраля. А потом нервно принялся срывать высокие стебли, растущие по обочинам дороги. Однако такое занятие ему быстро надоело, и, притормозив, он уселся на ступеньки первого попавшегося нам дома. Глубоко вздохнув, Нелло проговорил:

– Джулия спросила меня, почему я все время смотрю на Марину.

Я села рядом, положив на колени рюкзак и обняв его.

– Они тоже на нее смотрят. Как и все остальные. В чем проблема? – спросила я.

– Джулия думает, что Марина мне нравится, – ответил Нелло.

– Даже если и так?

– Не знаю. Наверное, она ревнует.

– А тебя и вправду волнует, что она о тебе думает?

– Нет. То есть да.

– Почему? – поинтересовалась я.

Нелло задумался, не зная, отвечать или нет. Он продолжал смотреть в пространство, теребя пальцами травинку.

– Помнишь, что произошло, когда она узнала про Марио?

– Еще бы, – ответила я.

– Ну… я не хочу, чтобы она всем об этом рассказывала. Вдруг она решит мне отомстить?

Это был первый раз после ссоры с нашими подругами, когда Нелло заговорил о Марио.

– Значит, это правда? – спросила я.

До того момента я не собиралась задавать ему этот вопрос – ответ на него ничего не изменил бы между нами.

– Это неважно. Все, что говорят люди, рано или поздно становится правдой. Ты сама знаешь, как это происходит: если достаточное количество людей что-то утверждает, рано или поздно это принимается за истину, – ответил Нелло.

Его слегка трясло. Он делал глубокие вдохи, чтобы успокоиться, но ему это не удалось. Мне оставалось лишь терпеливо ждать, положив руку ему на плечо.

– Я на твоей стороне, – сказала я. – Для меня правда в том, что говоришь ты.

Нелло потер глаза, будто хотел вытереть слезы, которых не было, и впервые за все время, что мы сидели рядом, посмотрел на меня.

– Интересно, как она себя чувствует? – произнес Нелло, бросая на землю завязанную в узел травинку и поднимаясь на ноги.

– Кто?

– Марина. Она просто хотела побыть в одиночестве, а все ее за это возненавидели.

Я задумалась.

– Не думаю, что Марина так уж мечтает остаться одна, – ответила я. – У меня такое впечатление, что она по какой-то причине боится с нами дружить.

Немного помолчав, Нелло спросил:

– А ты? Почему тебе во что бы то ни стало хочется стать ее подругой? Ведь ты ее совсем не знаешь.

– Думаю, что это одна из тех вещей, которые ты просто чувствуешь, – ответила я, улыбнувшись. – Вот ты, например, почему захотел со мной дружить?

– Потому что я никогда раньше не встречал такой, как ты, – искренне ответил Нелло.

Я смущенно умолкла. Через несколько секунд я поднялась и жестом позвала его идти дальше. Когда мы подошли к моему дому, Нелло слегка коснулся моей руки.

– Есть еще кое-что, что тебе следует знать, – произнес он. – Марину не любят в классе не только потому, что она их избегает.

Я посмотрела на него с удивлением.

– А почему же еще?

Нелло вздохнул.

– Я не уверен, – наконец сказал он, – но слышал, как они разговаривали на уроке. Ходят слухи о том, что произошло до приезда Марины на остров. Но я не знаю, что именно и как они об этом узнали.

8

Наша школа находилась в одном квартале от моря. Из открытого окна мы могли улавливать его запах и даже слышать шум волн. Я порой задавалась вопросом, было ли время, когда море можно было еще и увидеть, хотя знала, что школа и окружавшие ее дома были построены примерно в один и тот же период.

В школьном здании было три этажа, но сейчас использовались только два – у жителей острова рождалось все меньше детей. Верхний этаж постепенно приходил в запустение. Мы спускались к школе по склону, ведущему от асфальтированной дороги через сад, за которым ухаживали сами ученики. Такое правило установил несколько лет назад директор школы, понимая, что, если о саде никто не будет заботиться, вскоре от него мало что останется.

Мы прозвали директора Маятником из-за его шаткой походки, по которой никогда нельзя было угадать, в какую сторону он направляется. Несмотря на прозвище, мы слишком любили нашего учителя, чтобы смеяться над ним, поскольку работа в школе была для него настоящим призванием – она полностью заполняла его дни и была созвучна со всей его жизнью. Каждое утро Маятник собственноручно открывал двери школы и закрывал их поздно вечером, независимо от того, дул ли сирокко или мистраль. Если учителя не могли добраться до острова из-за непогоды, директор собирал всех нас в один смешанный класс и вел на ту сторону сада, которая была защищена школьным зданием от ветра. Там он принимался объяснять нам, как ухаживать за разными растениями. В тот день Маятник остановил свой выбор на агавах, разросшихся вокруг школы по всему периметру. Он показывал нам, как обкапывать корни, чтобы извлечь боковые побеги. Если какой-то из отростков оказывался слишком крупным, директор приходил на помощь с острым ножом, срезая его энергичным движением руки.

Я воспользовалась случаем и пристроилась работать рядом с Альдо, который учился в параллельном классе, – подошла к нему как раз в тот момент, когда Маятник делил нас на группы. Марина же, как обычно, держалась особняком. Директор попытался убедить ее поработать с кем-то в паре, но она молча вытащила из земли довольно большой побег агавы, словно показывая, что обладает достаточной ловкостью, чтобы справиться самостоятельно. Маятник не стал настаивать и отошел к другим ученикам. Но, возможно, что-то в выражении лица пожилого учителя заставило Марину почувствовать, что она была с ним слишком резкой. Тогда она окликнула директора тем своим особенным голосом, который напоминал мне бархат, меняющий оттенок в зависимости от того, в каком направлении проводят по нему рукой. Маятник сразу же вернулся.

Я увидела, как Марина показала ему на самые крупные агавы, из центральной розетки которых, между удлиненными мясистыми листьями, уже высились стебли в метр высотой.

– Скажите, а правда, что после цветения агава погибает? – услышала я ее голос.

Маятник внимательно посмотрел на Марину. Это была одна из тех вещей, которую мы все знали, но она, очевидно, нет.

– Да, это так, – ответил директор. – Размножение – вот цель их жизни, как, впрочем, и у всех остальных растений. Агавам больше нечего добавить. Поэтому мы удаляем цветоносы, а еще извлекаем отростки для пересадки – чтобы обеспечить агавам существование после смерти.

Казалось, Марина удовлетворилась ответом и вернулась к работе. Мне захотелось подойти к ней и спросить, зачем она задала этот вопрос, но что-то меня удержало. Возможно, я опасалась, что не найду нужных слов, а может, боялась обнаружить, что на самом деле Марина держится в стороне, потому что никто из нас ей попросту не интересен. В конце концов, что такого особенного я могла ей предложить?

* * *

Альдо, похоже, оценил мой план и, узнав, что нам предстоит работать в паре, улыбнулся. С того момента, когда он попал мне в голову мячом, я часто ловила на себе его взгляд, но не могла понять, что это значит. Мы – оба в садовых перчатках – стали копаться в земле, стараясь держаться в тени оливкового дерева и договорившись, что тот, кто первым доберется до корней, позовет другого на помощь.

Мы работали уже с четверть часа, когда Альдо заметил мои быстрые взгляды, которые я время от времени бросала на Марину.

– Не понимаю, что в ней такого особенного, – проворчал он.

Я покраснела и, переводя взгляд на агаву, сказала:

– Мне просто любопытно.

И пожала плечами, всем своим видом стараясь показать, что не придаю этому особого значения. Любопытство было обычным делом на острове, где все хотели знать все обо всех. Однако для Альдо такого ответа оказалось недостаточно. Мой напарник взглянул на меня пристально, и я заметила, как в его широко расставленных карих глазах, заплясали смешливые огоньки. Он признался, что не понимает, как меня может так заинтересовать человек, который либо грубит людям, либо их игнорирует.

– Марина странная, – подытожил Альдо. – Хотя, впрочем, красивая. Таких красивых девушек я еще не встречал.

И он тоже стал наблюдать за ней издалека. Марина сидела на траве и ела яблоко. В тот день ее длинные волосы были собраны в хвост, что еще больше подчеркивало тонкие черты лица. У нее были высокие скулы и россыпь милых веснушек. То, что Марина была красавицей, я и сама понимала. Но мне было трудно согласиться с тем, что ее считали грубой. Впрочем, даже если бы мне удалось это признать, этого все равно было недостаточно, чтобы унять мое любопытство.

Я снова повернулась к Альдо, решив больше не тянуть время и поговорить о том, ради чего я решила поработать с ним в паре.

– Почему она теперь приезжает по утрам на вашей машине? – спросила я.

Альдо метнул на меня недовольный взгляд.

– Так вот зачем я тебе нужен!

Я почувствовала, что мои уши запылали. Казалось, Альдо может читать мои мысли, и, сказать по правде, меня это напрягало.

– Просто люди уже кое-что говорят, – заметила я, сделав вид, что проигнорировала его последнюю реплику.

– Люди всегда болтают больше, чем надо, – ответил Альдо, вновь принимаясь за работу, словно давая этим понять, что разговор окончен.

Однако я продолжала смотреть на него, не собираясь сдаваться.

– Ну так как? – наконец не выдержала я.

– А никак, – услышала я в ответ. – Все-таки правду о тебе говорят, – добавил Альдо, подняв на меня глаза.

– В смысле?

– Что ты упрямая.

– Ты собираешься мне ответить или будем ходить вокруг да около? – вспыхнула я.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Альдо, – я отвечу. Но имей в виду – ты теперь у меня в долгу, и когда-нибудь я об этом вспомню.

Я молча кивнула, и Адьдо с довольным видом продолжил:

– Я не приглашал ее ездить со мной по утрам. Просто мать Марины попросила мою об одолжении. Как по мне, она могла бы и пешком пройтись. Моя мать, кстати, тоже так думает. Просто согласилась, потому что нам все равно по пути.

Альдо замолчал и начал стягивать садовые перчатки. Потом достал из рюкзака кепку и, надвинув ее на лоб, опустился рядом со мной. Кожа вокруг его бровей покраснела от солнца. Только теперь я заметила, что мы больше не в тени. В ту же секунду я ощутила, что мое лицо горит. Я слегка надавила пальцем на кожу предплечья и увидела, что там появился белый след, который тут же исчез. Я решила, что позабочусь об этом позже. Тем временем Альдо снова занялся луковицами и корешками. Он почти выдернул из земли очередной отросток, и я помогла ему довести дело до конца. Мы ненадолго остановились, чтобы перевести дух. Вдруг Альдо повернулся ко мне и, понизив голос, словно делился важным секретом, произнес:

– Марина, конечно, странная… но до матери ей далеко.

– При чем здесь ее мать? – опешила я, удивленная новым поворотом разговора.

– Когда мать Марины пришла к нам домой, дверь открыл я, – начал Альдо. – Она выглядела как одна из тех кающихся мадонн – одета во все черное. И волосы у нее с такой же седой прядью, как у Марины.

– И что она тебе сказала?

– Что ее зовут Лия Амато. Тебе это имя ни о чем не говорит?

И он посмотрел на меня так, будто поделился невероятным откровением.

– Нет, а что?

Альдо заметно нервничал.

– А то, что на острове когда-то жила семья Амато. Новенькая задирает нос, будто она неместная, но на самом деле ее корни отсюда.

Я задумалась над словами Альдо. Мне казалось, он все сильно преувеличивает.

– Никогда не слышала о здешних Амато, – ответила я.

И, поднявшись, взяла выкопанный Альдо побег, чтобы отнести его в другую часть сада, где мы раскладывали их на специальной решетке, чтобы немного подсушить перед пересадкой.

Альдо пошел за мной.

– А я тебе говорю, что они местные, – упрямо повторил он.

– Почему ты в этом так уверен? – спросила я, стряхивая с перчаток комочки земли.

– Потому что мы соседи. Все эти годы я каждый день видел табличку с этой фамилией. И когда Марина и ее мать несколько месяцев назад вернулись на остров, они ее не сменили. Не думаю, что это совпадение. Они поселились на вилле Дей-Мори. На самом деле там две одинаковые виллы – рядом друг с другом, ты наверняка их видела. Одна почти развалилась, Марина с матерью живут во второй.

– И все же я впервые слышу фамилию Амато.

Альдо фыркнул.

– Да потому, что на острове о них не вспоминают уже лет десять. Из их семьи здесь больше никого не осталось. Все произошло, когда мы с тобой только родились. Я знаю об этом, потому что моя мать долго обсуждала это с друзьями и знакомыми, а потом перестала… как и все остальные. Теперь об этом ходят лишь кое-какие темные слухи.

– О чем «об этом»?

Альдо огляделся по сторонам и заговорил почти шепотом.

– В том доме много лет назад умер старик. Его нашли туристы, которые почуяли ужасный запах. Говорят, с момента смерти прошло столько времени, что его тело успело мумифицироваться, как и тело его кошки. Некоторые даже утверждали, что рядом была высохшая лужа крови, но не знаю, правда ли это.

– И какое отношение это имеет к Марине?

– Самое прямое. Старика звали Тонино Амато. Если ее мать – Лия Амато, то он вполне может приходиться Марине дедом. Думаю, именно поэтому моя мать сначала не хотела соглашаться, чтобы Марина ездила с нами в школу.

– Почему?

– Говорят… это его дочь, мать Марины, убила старика. И уехала с острова, – прошептал Альдо, и его глаза расширились.

– Как ты думаешь, она об этом знает? – спросила я тоже шепотом.

– Кто? Марина? Не уверен… Но, если знает, меня совсем не удивляет, что она ни с кем не хочет сближаться.

Я больше не стала задавать вопросов. Сняв перчатки и убрав на место рабочий инвентарь, я пошла мыть руки. Проходя мимо Марины, я подняла на нее глаза, и наши взгляды встретились.

9

На самом деле на острове многие помнили Тонино Амато, прозванного за его седую прядь Вихром. Как вспоминали старики, он охранял свои земли с дробовиком в руках и однажды даже чуть кого-то не застрелил. Для Амато не существовало ничего важнее чести – той самой, во имя которой он фактически разрушил семью, и той самой, которая не позволяла даже близким людям понять чувства, скрывавшиеся за почти всегда хмурым лицом. Но все это я узнала гораздо позже.

Первым, кто рассказал мне об этом, был дядя Мими́. Я решила пойти к нему, припомнив совет, который он дал мне и Нелло несколько дней назад. Потом я часто задавалась вопросом: было ли это простым совпадением или проявлением его почти шаманской способности раньше других соединять все детали в единую картину.

Приближался праздник святой покровительницы, и на острове уже были развешаны первые иллюминации. В гавани гирлянды мерцающих лампочек очерчивали силуэты рыбацких лодок, отражаясь серебристыми нитями на гладкой воде. От побережья их сияние поднималось вверх по улицам города, переплетаясь с карнизами и решетками балконов и освещая путь, по которому Плачущей Маруннуцце предстояло пройти от своего земного пристанища к морю.

Как самый искусный скульптор и резчик, дядя Мими́ по единодушному согласию был назначен ответственным за подготовку статуи. Четверо рабочих помогли ему снять Маруннуццу с пьедестала. Я наблюдала, как они укутали ее в одеяла, словно опасаясь, что она может замерзнуть, и крепко обвязали веревками. Действуя с предельной осторожностью, мужчины перевернули статую и уложили ее на повозку. Я следовала за ними по улицам до деревянного настила, ведущего в Эдем – сад дедушки Мими́, – где должна была проводиться реставрация. Доставив Маруннуццу в целости и сохранности, ее аккуратно перенесли на туфовый постамент и принялись распаковывать. Рабочие сняли со статуи одеяла и, преклонив перед ней колени, перекрестились. Несколько мгновений мужчины оставались неподвижными в золотых лучах заходящего солнца, затем самый молодой из них – тот, что во время работы снял свою клетчатую рубашку и оставил на земле, – затянул старинный напев:

Маруннуцца плачет и плачет,
Ее сын на кресте, чтобы наши грехи искупить.
И покоя ей нет, и боли она не прячет —
Только слезы, соленые слезы приходится лить.

Двое рабочих стали подпевать ему своими хриплыми голосами, другие еле слышно шептали. Закончив, они крепко пожали друг другу руки. Я дождалась, пока дедушка Нелло включит один из прожекторов, а затем присела рядом с ним на деревянную колоду, взятую из сваленных у ограды бревен. Дядя Мими́ не спеша разложил на столе инструменты, которые могли ему понадобиться: стамески, молотки, напильники. Я вызвалась помочь ему в том, чему он сам меня научил, но Мими́ лишь отрицательно покачал головой: это была ответственная задача для него одного. Тогда я стала молча разглядывать Маруннуццу. При вечернем освещении следы, оставленные на туфе соленой водой, приобрели красноватый оттенок, создавая впечатление, будто статуя плачет кровавыми слезами. Соленая влага прорезала длинные борозды, которые тянулись от глаз Пресвятой Девы до самых стоп.

Дедушка Нелло обмакнул щетку в смесь воды и пищевой соды и начал энергично тереть статую, но туф все не светлел. Так продолжалось некоторое время, потом Мими́ повернулся ко мне и показал на одно из освещенных окон.

– Нелло в доме, – сказал он.

Я проследила взглядом за направлением его пальца, но не двинулась с места.

– Я здесь не из-за Нелло. Мне нужно вас кое о чем спросить.

Мими́ сделал широкий жест рукой, словно говоря: «Давай!» Тогда я устроилась поудобнее и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

– Я хочу узнать о семье Амато.

Дедушка положил щетку на стол.

– И почему они тебя так интересуют?

– Насколько я знаю, маму Марины зовут Лия Амато, – ответила я.

– А, вашей новой одноклассницы, – сказал дядя Мими́.

Увидев, что я продолжаю неподвижно сидеть на колоде, он глубоко вздохнул.

– Вы, молодежь, с ума меня сведете, – произнес он, отчасти весело, отчасти сердито. – В мое время, если нам говорили «нет», это означало «нет» и точка.

Я покраснела.

– Простите, я не хотела показаться назойливой.

И поднялась, чтобы уйти. Но Мими́, как оказалось, уже передумал.

– Да оставайся уже! – сказал он со вздохом. – Сделай что-нибудь, поменяй воду в этом ведре… Думаю, мне придется приготовить еще одну смесь. А когда вернешься, я расскажу тебе то, что ты хочешь знать. Хотя, сказать честно, об этой истории уже давно никто не вспоминает, и, поверь, это к лучшему.

Я сделала, как он просил: вылила остатки воды на клумбу, подошла к каменному бассейну и наполнила ведро до краев. Потом вернулась к дяде Мими́, стараясь по дороге не расплескать воду, поставила полное ведро на стол и снова села.

– Когда-то Амато владели половиной Боско, – начал Мими́, зачерпывая половником из большого мешка порошок соды. – Они первыми поняли, что на туфе можно хорошо заработать, и стали продавать его направо и налево. Дома из нашего белого туфа встречаются даже в Тунисе, вот так.

Дядя Мими́ говорил, пристально вглядываясь в меня своими пронзительными голубыми глазами из-под отяжелевших от старости век.

– Они были богаты, но из тех богачей, которые ведут себя как бедняки. Об их состоянии можно было судить только по количеству земли, которой они владели. Потом Амато пришла на ум идея строить дома из дерева, и они принялись вырубать лес.

Я слушала Мими́, будто он рассказывал легенду, где говорится о событиях, происходивших настолько давно, что начинаешь сомневаться: а было ли это на самом деле. К моим тринадцати годам единственным напоминанием о лесах, когда-то растущих в Боско, осталось лишь его название и небольшая сосновая роща на северо-востоке. А ведь на самом деле были времена, когда деревьев на острове было намного больше, чем людей.

– Когда родился Тонино, многие говорили, что его белая прядь предвещает несчастья. И позже так и случилось. Семья Амато постепенно потеряла все: дома, землю. К тому времени, когда пришел черед Вихра управлять тем немногим, что осталось, даже туфовые карьеры были истощены. Тонино Амато не смог вернуть семье былое богатство, несмотря на его железную хватку. Ты бы видела, как он собирал нас до начала работы, призывая трудиться с усердием. Вон под теми смоковницами он стоял, – сказал Мими́, показывая на деревья, растущие на уровне дороги. – Короче, Вихор потерял все, но благодаря его родителям, которые обеспечили заработком целое поколение, сохранил уважение. Вернее, в его случае… продолжал внушать страх. Все по-прежнему ему кланялись. Поэтому никто даже и не подумал искать Тонино Амато, когда он пропал. А потом в доме нашли его тело. Как выяснилось, оно пролежало там довольно долго. Кто-то говорил, что в смерти Вихра виновата его дочь, которая исчезла незадолго до этого, кто-то – что сам Вихор убил ее, а затем покончил с собой. А некоторые вообще считали, что наконец нашелся человек, решивший отомстить старику за угнетение, или даже

сам остров призвал его к себе. В общем, люди много чего болтали, но причину смерти никто не расследовал – списали на естественные причины.

Пока дядя Мими́ говорил, статуя Маруннуццы не стала белее от его трудов. Он критически взглянул на нее и взял в руки один из напильников.

– Пусть это останется между нами, иначе священник меня убьет, – сказал он, подмигнув.

Я слегка улыбнулась и спросила:

– А как вы сами думаете – отчего он умер?

– Трудно сказать. Насколько я его знал, он вполне мог умереть всем назло. Как ты понимаешь, слишком много слухов и о его смерти, и о тех, кто ее желал. Те, у кого совесть нечиста, вечно пытаются свалить вину на других.

Дядя Мими́ замолчал, и мне показалось, что туф, из которого была сделана статуя, стал как будто светлее. Тыльной стороной ладони Мими́ вытер пот со лба, и добавил, словно только сейчас об этом подумал:

– И хватило же у этой Лии смелости вернуться! Даже тех, кто просто уезжает на пару лет, люди уже считают чуть ли не изменщиками. Но вернуться после такой истории… Впрочем, в одном ты права: если Марина – дочь Лии, у нее могут быть свои тайны.

После разговора с дядей Мими́ я решила, что завтра сяду в классе рядом с Мариной.

10

Я проснулась в сбившейся в клубок простыне после ночи мучивших меня кошмаров. Мне приснилось лицо Тонино Амато, в котором угадывалось сходство с Мариной, но ее добрые и мягкие черты сменила маска загадочной смерти. Еще была лужа крови. И голос Анны, повторявший, словно заезженная пластинка: «Если это продолжится, она останется одна». Этот фальшивый напев сопровождал движения кресла-качалки, которое раскачивалось под порывами ветра, влетающими через оставленное открытым окно. В кресле сидел превратившийся старик. В какой-то момент он превратился в Марину. И в окно хлынуло море, сметая все на своем пути, ломая мебель и стены – пока от дома ничего не осталось. Только тело Марины, распростертое на берегу. И над всем этим вдруг раздался голос тети Ньетты: «Виной всему маланима».

…Марина вошла в класс и замерла, увидев, что я занимаю соседнее с нею место. Подойдя ближе, она посмотрела на меня так, словно я вторглась в ее личное пространство. Прищурившись, Марина сняла с плеча рюкзак и поставила его между своим столом и моим. Я наклонилась и пододвинула его ближе к ней.

– Что происходит? – стараясь скрыть удивление, спросила Марина.

– Ничего особенного. Я просто передвинула твой рюкзак, – ответила я.

– Я хотела сказать… что ты тут делаешь?

Я проигнорировала ее вопрос и начала выкладывать на стол свои вещи. Закончив, я повернулась к Марине. Она все еще стояла рядом и пристально меня разглядывала. Ее глаза приобрели зеленоватый оттенок, которого я раньше не замечала.

– Так как? – спросила она, скрестив руки на груди.

– Сзади мне плохо видно доску, – невозмутимо пояснила я.

– Это место пустует уже три дня, а ты только сейчас это заметила? – возразила Марина.

– Честно говоря, нет, – призналась я. – Я давно хотела здесь сидеть, но мне было интересно, как скоро тебе удастся выжить ее отсюда.

И кивнула в сторону Марты, которая раньше сидела рядом с Мариной, а перед последней контрольной пересела назад под предлогом, что там удобнее списывать, и обратно так и не вернулась. А Марина, похоже, совсем от этого не страдала. В тот день она разложила свои вещи там, где стоял стол Марты, словно посылая недвусмысленный сигнал: «Это место теперь принадлежит только мне».

Марина не сразу нашлась, что ответить, сбитая с толку моим спокойным тоном. Или ей было непривычно такое прямое обращение. Она бросила быстрый взгляд в конец класса, где сидела Марта, и снова взглянула на меня.

– Не думаю, что она по мне скучает, – сказала Марина.

– Трудно сказать, ты ведь ни с кем пока не разговаривала, – ответила я.

Я поняла, что единственный способ добиться от нее ответа – не переставать ее подкалывать.

– Кажется, с тобой я сейчас разговариваю, – возразила Марина.

Похоже, она и сама была этому удивлена. Раньше, если не считать ответов на уроках, Марина всегда молчала. Это дало новый импульс моей миссии: стать ее подругой, даже если ей пока еще этого не хочется. Однако я не могла позволить Марине понять, как много она для меня значит, поэтому продолжила ее провоцировать.

– Ты это делаешь, чтобы оттолкнуть меня.

Должно быть, Марина тоже поняла, что я не совсем уверена в том, что говорю. Все это время я мысленно твердила себе, что если бы она действительно хотела меня прогнать, то не

стала бы тратить на это столько слов. Поэтому Марина произнесла единственное, что могло разрушить стену моих убеждений:

– Я предпочитаю быть одна.

– Знаешь, мы ведь не обязаны друг с другом разговаривать – ответила я. – Ты можешь быть одна там, а я одна – здесь.

Я заметила легкую улыбку на ее губах.

– А ты упрямая, – сказала Марина.

– Ты даже не представляешь насколько.

Она не успела ничего ответить, потому что в класс вошел учитель. Марине пришлось смириться с тем, что, по крайней мере сегодня я буду сидеть рядом. Она вздохнула и принялась искать что-то в своем рюкзаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.